

1994г.

2000г.

VI

22

ВЕЛИКАЯ РОССИЯ

АВСТРАЛИЯ

РУССКАЯ

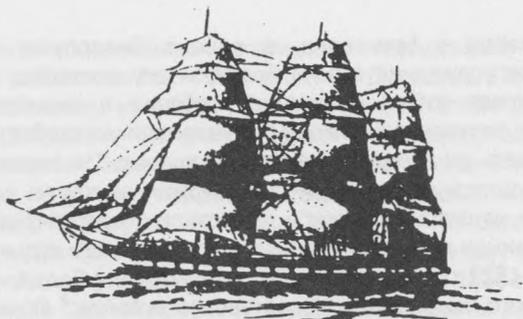
ЛЕТОШИТЬ

СИДНЕЙ

22

ЯНВАРЬ

Из ранней истории

Елена Говор

Русский, голландец, индеец-тлинкит (к истории ссыльных россиян в Австралии)

22 июля 1816 года в гавань Сиднея вошел "Атлас", очередной английский транспортный корабль с живым грузом – ссыльными. Позади были шесть месяцев пути в вонючих трюмах, солонина и цепи. А еще раньше – лондонские трущобы, голод, нищета, полицейские кутузки, суд в Олд Бейли, а потом долгие месяцы ожидания в переполненных плавучих тюрьмах. И вот сейчас все они, правые и неправые, закоренелые преступники и случайные жертвы системы, сходили на берег неведомой Австралии, о которой они слышали столько страшных рассказов. Но вместо ада, который они ожидали увидеть, их встречали утопающие в зелени берега Порт-Джексона, спускающиеся к воде аккуратные улочки Сиднея, не по-зимнему ласковое солнце и свежий влажный ветер с залива. Каждому из них еще предстояло узнать, адом или раем окажется для них эта чужая земля.

Группу ссыльных окружили местные жители. Они искали родственников, знакомых и земляков, расспрашивали о тех, кто остался в Англии, давали советы, как лучше устроиться. Среди новоприбывших выделялся один, державшийся особняком, – высокий темноволосый кареглазый человек с бледным изможденным лицом, слепой на один глаз, – к нему никто не подходил, да и он никого не разыскивал. Но вот голос надзирателя заставил его встрепенуться: "Константи... Мил-кау-у!" – с запинкой, под смехи ссыльных, выкрикнул сиднейский надзиратель, принимавший живой груз. И Константин, уже и не пытавшийся объяснить, что его фамилия в действительности звучит Милков, привычно подтвердил, что он Милкау, уроженец Москвы, 33 лет, по профессии – объездчик лошадей, осужден в Лондоне 10 мая 1815 года за кражу, сослан в Австралию на семь лет.¹ Заморский гость из Москвы вызвал мимолетный интерес надзирателя, но время не ждало и вот уже звучит новая фамилия, а Константин вновь остается наедине с самим собой.

... Роковой день 26 апреля 1815 года, который привел его в эту далекую землю, опять вспомнился ему во всех подробностях. С утра он бродил по улицам Лондона в районе доков, но никакой работы не подворачивалось. В карманах было пусто, нестерпимо хотелось курить, а еще больше есть. Наконец, когда солнце уже клонилось к закату, Константин, сам не зная на что надеясь, зашел в лавочку в Уэппинг Уолл и попросил унцию табака. Приказчик направил его в лавку напротив, объяснив, что они торгуют только съестным. Когда Константин выходил, ему бросился в глаза увесистый кусок бекона, фунтов 17 весом, лежащий на скамье рядом с дверью. Как давно он не ел ничего подобного! Он перешел через улицу в табачную лавку, но табаком и здесь разжиться не удалось, а бекон так и стоял перед глазами. Он вышел, и ноги сами потянули его к злополучной лавке. Он снова увидел бекон. В лавке, казалось, никого не было. Он отошел, потом опять вернулся. Действительно, в лавке было пусто. Он быстро схватил бекон, сунул его в свой мешок и выскочил из лавки. Но не успел он отойти и ста ярдов, как сзади послышались звуки погони и тяжелая рука опустилась на его плечо. Да, приказчик, Джон Уоткинсон, был отнюдь не простачком. На прошлой неделе ему уже досталось от хозяина, Томаса Коля, за пропавший бекон, и теперь он только и ждал удобного случая, чтобы восстановить свое доброе имя. Увидев, что недавний посетитель снова подходит к его лавке, он спрятался за занавеску и наблюдал за ним оттуда. Но теперь худосочный бродяга в его руках, и он насмешливо говорит ему: "Ну, мой друг, пошли назад". Константин был так ошеломлен всем происшедшим, что безропотно пошел рядом с приказчиком и, войдя в лавку, сам положил бекон на место. Но прощения не было. И вот уже констебль тащит его в кутузку и несет улику – злополучный кусок бекона – и от этого запаха у Константина все плывет перед глазами.... А потом был суд в мрачном Олд Бейли, где он впервые увидел истца – хозяина лавочки, которого волновало только одно – вернет ли суд ему конфискованный, как улика, кусок бекона. Константин, с трудом подбирая слова, пытался объяснить, что он чужестранец и оказался в отчаянном положении. Он даже, по совету своих сокамерников, говорил что-то о незнакомце, который попросил его помочь донести этот кусок бекона и обещал хорошо заплатить. Но судью было не разжалобить рассказами о своей невинности, и вскоре был вынесен окончательный вердикт: "Виновен. Сослать на 7 лет за кражу 17 фунтов бекона стоимостью 11 шиллингов".²

Вот, пожалуй, и вся достоверная информация, которую можно почерпнуть из документов судебного разбирательства по делу о злостных преступлениях Константина Милкова в Лондоне, в далеком 1815 году. А как хотелось бы заглянуть в прошлое, узнать, что же забросило нашего земляка в Англию. Может быть он сбежал с корабля – ведь не случайно же он оказался в районе доков на Темзе. А может искал места, чтобы отправиться в новое плавание? Но что его, объездчика лошадей, человека, казалось бы, сельской профессии, заставило покинуть Россию и отправиться за море? Ушел ли он из дома в поисках приключений или заработка? А может быть он служил в русской армии и остался в Европе после войны с Наполеоном? Увы, никто уже не ответит на эти вопросы. Одно лишь можно сказать с уверенностью, что он не был профессиональным лондонским вором, и кража его была скорее всего актом отчаяния. Вся его последующая жизнь, прошедшая в честном тяжелом труде, – жизнь, которую можно проследить по скучным строкам документов, – подтверждает это.

Первоначально в Австралии Милкова отправили в Брингелли, в районе Ливерпуля; освоение этой территории в то время едва началось. Фермеры в свое услужение его не брали, и ему досталась более тяжелая участь "государственного" ссыльного. Свой срок Милков отбыл полностью, работая в окрестностях Сиднея. Очевидно он не имел взысканий, т.к. в 1822 году, после окончания срока, он получил полную свободу и поселился в Виндзоре, в небольшом городке к востоку от Сиднея. Здесь он арендовал ферму площадью 5¼ акров. 4 акра на ней занимала кукуруза, ¾ - картошка, а остальное приходилось на огород и сад. Держал он также двух свиней. Но прожить с этого участка было невозможно и Милков нанялся на службу к местному крупному землевладельцу Арчибальду Беллу (1773-1837), который в это время занимал должность главного полицейского судьи района. Слава о нем шла как о строгом, но справедливом хозяине. В 1823 г. Милков продолжал служить у Белла, а вот перепись 1825 года застаёт его уже в качестве наемного рабочего знаменитых Макартуров в Аргайле.³ Почему он оставил свою ферму в Виндзоре, остается неясным, но видно не так просто было рядовому поселенцу преуспеть в новой стране. Это последние сведения о Милкове, которые мне удалось обнаружить. Его нет в переписи 1828 года и в последующих, нет в базах данных пионеров Нового Южного Уэльса среди умерших, вступивших в брак и ставших отцами, нет и среди покинувших Австралию. Да и едва ли у него было достаточно денег, чтобы покинуть Австралию, и скорей всего его забытая навсегда затерялась где-то среди австралийского буша.

Имя и фамилия Константина Милкова (или Мелкова), столь непривычные для английского слуха, с трудом приживались на австралийской земле, как, наверно, и их хозяин. Как только их не коверкали! В документах суда и списке ссыльных, прибывших в Австралию на "Атласе", он фигурировал как Constantine Milcow, а затем превратился в Constantine Meliko (1816), Constante Melki (1817), Constante Mileke (1819), Constante Meleke (1820), Constantia Millers (1822) Constance Millicoe (1822), Constantine Mellico (1822-23), и вновь Constantine Melcow (1825). Да, несмотря на то, что его пытались превратить в Милеке и Миллерса, он явно стремился сохранить свою русскую фамилию. Очевидно Милкова можно считать первым русским ссыльным в Австралии, да скорей всего и первым постоянным русским жителем Австралии, но отнюдь не первым россиянином.

Мы уже рассказывали о полной приключений и загадок истории **Джона Потоцкого** (1762-1824) – уроженца Белоруссии, знавшего русский язык и служившего, по его собственным словам, в русской армии. Он был арестован в Англии и сослан на Тасманию с первым тасманийским флотом в 1804 году. Потоцкий стал основателем большой династии, насчитывающей ныне около 2 тысяч человек.⁴

Среди уроженцев России, сосланных в Австралию, была и еще одна загадочная личность – **Джозеф Аврора** (Joseph Aurora). Хотя он и назвал Россию местом своего рождения, этническое происхождение его остается неясным. Можно было бы предположить, что Джозеф был поляком, но ссыльные поляки, как правило, заявляли, что они уроженцы Польши, а не России, да и внешностью он на поляка не походил – черные волосы, темно-карие глаза, смуглая кожа. Вызывает сомнение и сама его фамилия Аврора, которая не свойственна ни славянским, ни другим европейским языкам. Очевидно это был его псевдоним или кличка. Родился Джозеф около 1770 года. Профессию свою указывал как моряк. 5 августа 1812 года он был арестован в Лондоне за кражу пары чулок стоимостью 14 шиллингов. В отличие от Константина Милкова, Аврора, как кажется, был отнюдь не чужаком среди лондонского преступного мира. Чулки в магазине он рассматривал со своим сообщником, а потом незаметно сунул их в шляпу. Когда же его поймали он, по словам полицейского, "разразился ужасным набором ругательств и угрожал сбить меня с ног. 'Будь прокляты твои глаза, ничего у меня нет', кричал он". Очевидно полицейский убедил суд в злостной натуре арестованного, поскольку Аврору приговорили к смертной казни (семилетний срок Милкова на этом фоне кажется не таким уж серьезным). Спасло его только то, что он был признан "иностранцем, не знакомым с законами" Англии. Его помиловали, заменив смертную казнь пожизненной ссылкой в Австралию. Прибыл он в Сидней на корабле "Эрл Спенсер" 9 октября 1813 года.⁵ Но тут все его следы теряются. То ли он еще раз изменил свою фамилию, то ли умер, то ли бежал...

Любопытна судьба и еще одного ссыльного с голландским именем **Абрахам ван Бренен** (Abraham Van Brienen), родившегося в Архангельске около 1789 года, протестанта, по профессии торговца. Это был джентльмен, хорошо образованный, свободно владевший английским, немецким и французским языками. Живя в Лондоне, он был арестован и сослан на 7 лет, прибыв в Сидней на корабле "Агамемнон" 22 сентября 1820 года. В тот же день он отправил губернатору Макуори письмо, вероятно о смягчении своей участи, с приложением рекомендательного письма графа Ливена, русского посла в Лондоне, который писал, что в России семья ван Бренена принадлежит к "уважаемому высшему обществу" и сам Бренен пользуется "незапятнанной репутацией и вхож в высшее общество". Сначала это не помогло и Бренена заслали на работы в Эму Плейнс, потом отправили в Порт Далримпл на севере Тасмании. Наконец в 1822 году ему удалось устроиться в Параматском комиссариате в качестве клерка (почерк у него действительно был отменный). Вскоре он подал прошение новому губернатору Т. Брисбену (на превосходном французском) о досрочном освобождении, опять приложив копию письма русского посла. За эти годы Бренен несколько раз привлекал внимание властей то необоснованными разоблачениями своего начальства, то побегом с места работы, но все как-то обходилось - образованные люди в колонии ценились. В 1823 году Бренен наслаждался комфортной жизнью в Сиднее, работая клерком и вращаясь в местном свете (он квартировал вместе с ботаником Бантером). Однако в конце 1823 года наш герой попался с фальшивым чеком и, будучи заключен в Сиднейскую тюрьму, в очередном воззвании к властям попытался свалить всю вину на австрийского натуралиста Франца Зиберера (Sieber), для которого он делал переводы, утверждая, что именно Зиберер его впутал в это дело. Это не помогло и Бренен был выслан в Порт Макуори, каторжный лагерь для рецидивистов, до конца своего срока. Работодатель Бренена, Френсис Э. Форбс, взывал к властям, чтобы хотя бы отсрочить высылку столь ценного работника. Зиберер, со своей стороны, хоть и признавал в письме губернатору, что Бренен "натура неисправимая", просил, чтобы его перевели в Сидней, поскольку в Порт Макуори "этот несчастный ссыльный" "не может найти применения своим талантам". Отбыв наказание, Бренену удалось вернуться в Англию в 1828 году. Но здесь он снова был арестован за подделку документов и, получив пожизненную ссылку, вновь оказался в Австралии, куда прибыл на корабле "Сарри" (*Surry*) в 1834 году. Теперь он фигурировал под именем Александр Браннон (Brannon). Ему было всего 45

лет, но он казался потрепанным стариком - поседевший, почти лысый, недосчитывающий половины зубов. Известно, что он работал на Гоат-Айленд в Порт Джеконе. По-видимому, он прожил недолго.⁶

Среди ссыльных, указавших Россию своим местом рождения, были еще несколько человек не русского происхождения. **Абрахам Самуелс** (Abraham Samuels), еврей, родившийся в России около 1795 года, был торговцем-разносчиком. Переехав в Англию, он поселился в Манчестере, имел жену и четырех детей. В 1826 году был арестован за получение краденных товаров и сослан в Австралию на 14 лет; в Сидней прибыл на корабле "Манлуис" (*Manluis*) 11 августа 1827 года, работал в Пенрите на Самуэла Доу. Впоследствии он стал кузнецом, а затем констеблем. Он был условно помилован в 1841 году, умер в 1846 году.⁷ **Джон Джонсон** (John Johnson), лесоруб, родившийся в Архангельске около 1783 года, в 1816 году в Англии был приговорен к семилетней ссылке за украденную шляпу, в Сидней прибыл 7 ноября 1818 года на корабле "Морлей". После отбытия срока был арестован за новое преступление и выслан в Порт Макуори.⁸

Западная Австралия была последней колонией, принимавшей ссыльных, и уроженцы России, выславшиеся из Англии в последующие годы, попадали именно туда. Среди них была еще одна интересная личность – **Фрионург Бадоский** (Fronurg Badoski). Он родился в России в 1827 году и принадлежал к Греческой церкви, т.е. был православным и, может быть, несмотря на свое скандинавское имя, русским или поляком. Внешность его была славянского или финского типа – среднего роста, круглолицый, голубоглазый, с темно-русыми волосами. Бадоский был грамотным, по профессии – солдат и... оранжик алмазов. В 1853 году в Англии он был привлечен к суду за подделку банкноты и сослан в Западную Австралию на 14 лет. Он прибыл в Перт на корабле "Рамилес" (*Ramillies*) 7 августа 1854 года. Несколько лет его содержали под стражей. В тюремном кондуите о наказаниях ссыльных напротив его имени несколько раз помечено B&W, это, очевидно, значит, что за плохое поведение его сажали на хлеб и воду. Но в конце концов его жизнь стала налаживаться. Через три года он уже получил досрочное освобождение, а еще через два года – условное помилование и успешно занимался ремеслом ювелира и часового мастера. Еще через два года, в 1861 году, он женился на Маргарет Кэмпбелл; к этому времени он был известен под именем Френсис. И тут он опять попался с поддельным банкнотом и был осужден на три года. В 1862 году умер его годовалый сын Джон. Теперь Бадоскому пришлось работать в Чемпион Бее разнорабочим и угольщиком. В 1864 году его второй срок закончился, он получил полную свободу и в начале 1866 года уехал в Батавию.⁹

Согласно Дж. Донохо, данные которого не всегда точны, был еще один ссыльный, **Джордж Манейлос** (Moneylaws), который указал местом своего рождения Россию и был сослан в Австралию на корабле "Йорк". Кораблей с таким названием было два. Один пришел в Сидней в 1831 году, другой – в Перт в 1862 году, но в списке ссыльных ни на одном из них Джорджа обнаружить не удалось, нет его и в биографических словарях и в переписях населения.

Среди ссыльных было несколько человек из Прибалтийских территорий. **Ниссон Джейкобсон** (Nisson или Nissen Jacobson) родился около 1794 года в Лиенае (Либаве), в Латвии, входившей в то время в Российскую Империю. Этнически он был скорее всего скандинавом или латышом. Свою профессию он указал как производитель сигар. Арестованный в Лондоне в 1817 году за владение подделанным банкнотом и приговоренный к 14 годам ссылки, он прибыл на Тасманию 11 июня 1818 года на корабле "Леди Каслрей" (*Lady Castlereagh*). Возможно он был одним из тех таинственных людей, говоривших по-русски, которых Лазарев встретил в Хобарте во время визита 1823 года, но не назвал по имени. Здесь Джейкобсон служил у миссис Хамфри, и за дерзость по отношению к ней его дело даже разбиралось в магистрате. Других нарушений за ним не имело и в 1826 году он был помилован условно, а в 1831 году полностью освобожден.¹⁰ **Аарон Вульф** (Woolf), еврей, родился в Риге в 1793 году. Он перебрался в Англию, торговал, был арестован за кражу 14 (!) золотых часов и приговорен всего к семи годам ссылки. В Австралию он прибыл в 1829 году на "Лайтоне" и работал в Голберне у Джорджа Барбера. Дж. Донохо отмечает, что Вульф был человеком непокорным, за что однажды был приговорен к жестокому наказанию 75 ударами плеткой. Отбыв свой срок, он сам стал служить в тюремной системе, а под конец жизни уехал на Тасманию.¹¹ **Карл Пламбек** (Plumback), уроженец Мемеля (ныне Клайпеда, Литва), служил корабельным плотником. Во время стоянки в Лондоне он совершил преступление и получил пожизненную ссылку в Австралию, куда прибыл на корабле "Фанни" в 1816 году.¹² Другой уроженец Литвы, **Эрнст Элснор**, работал в Лондоне переплетчиком. За две украденные рубашки он получил семилетнюю ссылку и прибыл в Хобарт на корабле "Джон" в 1833 году. Моряк **Питер Майерс** (Myers), уроженец Финляндии, разделил судьбу Карла Пламбека – во время стоянки в Лондоне он получил семилетнюю ссылку и прибыл в Сидней на корабле "Элизабет" в 1816 году.¹³

Многочисленную группу среди ссыльных – согласно списку Дж. Донохо 23 человека – составляли выходцы из Польши (Донохо учитывает их под рубрикой поляки). Моя проверка скудных анкетных данных этих лиц позволила установить, что некоторые из них вообще не были уроженцами Польши; кроме того в ряде случаев удалось разграничить лиц, родившихся в районах Польши, входивших в состав Австрии, Пруссии и Российской Империи. Последние, а также лица, не указавшие в какой именно части Польши они родились, составляют 18 человек. Лишь шесть человек среди них с уверенностью можно назвать поляками: это Joseph Botegelsky (арестован в Испании, сослан в Австралию в 1815 году); варшавяне бывшие в услужении у английского джентльмена, соучастники по делу о получении краденного August Piotrowski и Kazimierz Szezygielski (1838); солдат Joseph Skewski (1838); варшавянин, бывший слуга и солдат Norbruth Dolubowski (1838). Шестой, солдат из Польши **Paul Stempin** (искаженная польская фамилия Stepień), был арестован в Испании в 1813 году вместе в другим солдатом из Валахии по имени Theodore Herenzack (похоже, что это искаженная фамилия, возможно славянская). Они получили пожизненную ссылку, прибыли в Австралию в 1814 году и стали слугами у знаменитого исследователя Австралии Джона Оксли, затем получили условное освобождение. Оксли отзывался о Стемпине как о "трудолюбивом, достойном человеке". Еще один католик из Варшавы Joseph Yoncasty (1840), портной и солдат, мог быть, судя по фамилии, чехом или словаком. Девять человек из списка Донохо были евреями (Joachim Boaz, Aaron Gainsborough, Thomas Harris/Herscht, Samuel Jacobs, Moses King, Jacob Levy, Moses Rochotz, Wolfe Tielzner, Simon Wineberg). Еще двое варшавян - Gothan (Gotthard) Raake, "профессор языков", и Mathias Tody (или Yody), маркитант, очевидно этнически принадлежали к другим европейским народам.

Отметим попутно, хотя и не будем включать их в общую статистику, что среди ссыльных были и другие поляки. Так, гусар Joseph Kopisky, получивший пожизненную ссылку и прибывший на одном корабле с Джозефом Авророй в 1813 году, был уроженцем Померании (северо-западной части Польши, принадлежавшей Германии). Еще ряд ссыльных с польскими фамилиями, были уроженцами Англии или других мест: Eleanor Connesky, James Cumesky, Bernard Cumiskey, Alexander Kochanowsky, Joseph Korrisky, Henry Maroschosky.¹⁴

Говоря о людях со славянскими фамилиями, надо упомянуть еще одну загадочную личность – в 1838 году с острова Принца Уэльского в Австралию был сослан 17-летний Daniel Detloff/Von Ranzew. Фамилия была написана на немецкий лад, но ее можно прочесть и как **Даниил Детлов** (Дятлов?)/**Воронцов**. Кто же это такой? Есть несколько островов Принца Уэльского в разных частях света. Донохо считает, что Детлов был эскимосом-инуитом с о. Принца Уэльского, расположенного в Арктике, на севере Канады. Но ведь там не было ни русского, ни немецкого влияния. Я же склоняюсь к мысли, что Детлов был уроженцем другого острова с тем же названием, расположенного в Архипелаге Александра у берегов Аляски в бывшей Русской Америке. Вокруг этого острова множество русских топонимов – остров Кутузова, остров Баранова, на котором находился Ново-Архангельск (Ситка), и даже поселок Петербург. И тогда наш герой – это... обрусевший индеец-тлинкит; кстати, внешность у него была явно не европейская – желтая кожа, черные волосы, темно-карие глаза. Вполне возможно, что, как многие тлинкиты, он был православным; правда в справке с биографическими данными он зарегистрирован как протестант, но это могла быть и неточность (некоторые евреи, например, тоже были записаны как протестанты - аккуратность в таких вопросах мало интересовала австралийскую тюремную администрацию). Согласно той же анкете, Детлов был грамотным, служил помощником капитана на корабле, был арестован за попытку совершить убийство, осужден в суде в Бомбее и отправлен в пожизненную ссылку в Австралию. В 1841 году он получил условное освобождение.¹⁵

Итак, подведем некоторые статистические итоги. В Австралию на протяжении 1804-1862 годов был сослан 31 человек с территорий, входящих в состав Российской Империи (оговоримся, что эта цифра не окончательная и дальнейшие разыскания могут выявить среди ссыльных и других наших соотечественников). Из них лишь трое родились в собственно русских городах – Москве и Архангельске. Еще четыре человека, назвав местом своего рождения Россию, не указали, из какой части ее они происходят. Двое родились в Латвии, один – в Литве, один в Финляндии, один в Русской Америке. И, наконец, 18 человек указали местом своего рождения Польшу. Джон Потоцкий, место рождения которого в документах не указано, был, согласно его словам, уроженцем Белоруссии. Этническое происхождение этих ссыльных дает еще более сложную картину. Единственный, кого достоверно можно идентифицировать как русского, был Константин Милков из Москвы. Джон Потоцкий был белорусом или поляком. Шесть человек из Польши несомненно были поляками. Возможно, что поляками были еще два человека, назвавшими своей родиной Россию (Джозеф Аврора и Фрионург Бадоский). Один, предположительно, был чехом или словаком. По меньшей мере 11 человек были евреями (один из России, один из Латвии, девять из Польши). Наконец, был даже американский индеец. Вместе с тем остается еще не менее 8 человек, которых, судя по именам и фамилиям, можно считать англичанами, голландцами и скандинавами (Abraham Van Brienens, John Johnson, George Moneylaws, Nisson Jacobson, Ernst Elsnor, Peter Myers, Gothan Raake, Mathias Tody).

Это лишний раз говорит о том, что на рубеже XVIII-XIX веков Россия была поистине европейской державой, существенную часть населения которой составляли иноземцы, особенно на ее окраинах, в портовых городах. Тот же Абрахам Ван Бренен, уроженец Архангельска, превосходно знавший три европейских языка и пользующийся покровительством русского посла в Лондоне, хоть и носил голландское имя, очевидно принадлежал к российской элите. Связь других русских уроженцев со своей родиной могла быть более мимолетна – они могли родиться в России в то время, как их родители-иностранцы находились там на службе или занимались торговлей. Такие семьи были мобильны и могли потом переселиться в другую страну и не сохранять связей с Россией. Тем не менее в австралийской статистике ссыльных такие лица фигурируют как уроженцы России. Подобные "иностранцы из России" составят вскоре значительный процент в общем числе уроженцев Российской Империи и среди иммигрантов. Например, в компьютерной базе данных бракосочетаний пионеров Виктории (1837-1888) среди 100 уроженцев России лица со славянскими фамилиями составляют всего 8 человек, остальные – это именно такие "иностранцы из России" и евреи. Неудивительно, что даже в австралийской переписи 1911 года, которая впервые учитывала иммигрантов не только по месту рождения, но и по вероисповеданию, среди 4456 уроженцев России 1586 составляли протестанты разного толка, 1802 – иудеи, 345 - католики, в то время как православные едва ли насчитывали... 300 человек!¹⁶

Говорят, что теперь для австралийцев, занимающихся семейной историей, считается особенно престижным обнаружить среди своих предков хоть одного ссыльного, им гордятся, как в Европе гордятся предком-аристократом. Да и только ли семейные историки этим увлекаются! Мой семилетний сын Ральфи, придя из школы, объявил, что в этой четверти они занимаются ссыльными; он выбрал себе своего собственного ссыльного - Джорджа Робинсона, с Первого флота. И теперь, выполняя задания, Ральфи и его одноклассники набирают очки, которые обозначают порции рома для ублажения их подопечных ссыльных, а также позволяют им продвигаться по пути к свободе. Ральфи так старается, что его ссыльный уже снял цепи, работает на поселенца и скоро получит досрочное освобождение. Что же, при таком настроении в обществе мы тоже вправе гордиться "своими" ссыльными, родившимися в Российской Империи. И действительно, за каждым их именем скрывается жизнь, полная приключений и потерь, страданий и надежд. Их трудом проложены дороги и построены мосты в Голубых горах, расчищены земли вокруг Сиднея и Хобарта, возвращен хлеб, кормивший молодую колонию. И мы можем с гордостью сказать, что у самых истоков австралийской нации стояли и наши соотечественники.

¹ State Archives of New South Wales, Sydney. Principal Superintendent of Convicts. Bound indents, microfiche 636, p. 181.

² Great Britain. Central Criminal Court. *Old Bailey sessions' papers. The fifth session, 10th of May 1815*, London, 1815, No. 644, p. 302.

³ Public Record Office, London. Home Office (HO) 10/1, p. 53; HO 10/3, p. 176; HO 10/8, p. 191; HO 10/13, p. 55; HO 10/20, p. 43; C.J. Baxter, ed. *General Muster and Land and Stock Muster of New South Wales, 1822*, Sydney, 1988, pp. 335, 564; State Archives of New South Wales, Colonial Secretary Papers, 1788-1825, Reel 6005, 4/3495, p. 63; Reel 6062, 4/1781, p. 390b).

⁴ Е. Говор, Судьба превратного счастья или Тайна Джона Потоцкого. – *Австралиада*, 1996, № 7, с. 3-7.

⁵ State Archives of New South Wales, Sydney. Principal Superintendent of Convicts. Bound indents, microfiche 634, p. 475; Great Britain. Central Criminal Court. *Old Bailey sessions' papers. The seventh session, 16th of September 1812*, London, 1812, No. 758, pp. 459-460.

⁶ State Archives of New South Wales, Principal Superintendent of Convicts. Bound indents, microfiche 644, p. 218; Colonial Secretary Papers, Index, p. 4999, microfiche 3213, 4/1864, pp. 34-36; Reel 6056, 4/1764, pp. 110-114; Microfiche 3243, 4/1872, p. 113.

⁷ State Archives of New South Wales, Principal Superintendent of Convicts. Bound indents, microfiche 665, p. 176; J.H. Donohoe, *The Forgotten Australians, The Non Anglo or Celtic Convicts and Exiles*, Sydney, 1991, p. 97.

⁸ State Archives of New South Wales, Principal Superintendent of Convicts. Bound indents, microfiche 640, p. 13; Great Britain. Central Criminal Court. *Old Bailey sessions' papers. The eights session, 30th of October 1816*, London, 1816, No. 1166, p. 493; Colonial Secretary Papers, index, p. 2556.

⁹ Тот факт, что Бадоский родился в России, упомянут лишь Дж. Донохо, я не смогла его проверить по архивным документам, все остальные сведения, в т.ч. принадлежность Бадоского к "Греческой церкви", документально подтверждаются. Western Australian State Archives, Convict Indents, Reel 128/Vol. 32, *Ramillies*; R18. Character Book, No. 3203; R21B General register, No 3203; *Dictionary of Western Australians*. Vol. IX. *Convicts in Western Australia, 1850-1887*, University of Western Australia Press, 1994, p. 17; *The Bicentennial Dictionary of Western Australians pre-1829-1888*. Vol. 1, Nedlands, 1987, p. 98.

¹⁰ State Archives of New South Wales, Principal Superintendent of Convicts. Bound indents, microfiche 639, pp. 39; Donohoe, *The Forgotten Australians*, p. 97.

¹¹ State Archives of New South Wales, Principal Superintendent of Convicts. Bound indents, microfiche 673, p. 255; Donohoe, *The Forgotten Australians*, pp. 79-80.

¹² Оговоримся, что мы не будем включать его в общую статистику ссыльных из Российской Империи, т.к. Мемель не входил в ее состав.

¹³ Donohoe, *The Forgotten Australians*, pp. 56, 79.

¹⁴ Сведения собраны по спискам в кн.: Donohoe, *The Forgotten Australians*, pp. 125, 129-130 и уточнены по материалам State Archives of New South Wales, Convict Indents.

¹⁵ State Archives of New South Wales, Principal Superintendent of Convicts. Bound indents, microfiche 732, p. 52; Donohoe, *The Forgotten Australians*, pp. 71, 95.

¹⁶ E. Govor, *Russian Perceptions of Australia, 1788-1919*, PhD thesis, The Australian National University, Canberra, 1996, pp. 228, 230-232.

Пионер - изобретатель Георгий Косов

"В конце 50-х годов нам стало известно, что в США и Шотландии стали разрабатывать применение ультразвука, и мы сказали, что кто-то должен заняться подобной же работой в Австралии", - сказал доктор Косов.

В журнале "The Sydney Weekly", June 15-21, 1999 доктора Георгия Косова называют "пионером в развитии ультразвукового изображения".

В 1999 году, в День рождения королевы, он был награждён орденом Австралии. Житель пригорода Киллара, он один из первых в мире, кто стал применять ультразвук в акушерстве.

Он был тогда абитуриентом Сиднейского университета, и обучение студента-исследователя оплачивало Австралийское правительство.

"Нам стало вполне ясно, что мы должны применить этот способ в акушерстве и разработать улучшенное качество изображения на экране", - сказал Г.К.

Он разработал способ "серой шкалы" изображения, которое в шестидесятых годах улучшило качество изображения. Он также в 70-х годах разработал способ употребления ультразвука и метод Допплера для определения скорости течения крови в глуболежащих кровеносных сосудах.

"Этот способ продолжает развиваться", - говорит д-р Косов, - "и для него как будто не существует предела. Всё время открываются новые приложения его. Прежде мы смотрели на анатомию зародыша - теперь же мы наблюдаем за развитием этого зародыша и его деятельностью. Это то, о чём мы не могли даже думать в прошлом. Теперь мы можем рассматривать зародыш в трёх измерениях, в то время как раньше мы могли видеть его только в разрезе. Ультразвук действительно переменял всё развитие акушерства".

Д-р Георгий Георгиевич Косов во время нашей встречи у него дома рассказал мне следующее.

"Я родился 20-го января 1935 года в Шанхае. Отец Георгий Сергеевич родился в России. Перед революцией он стал учеником Кадетского корпуса, затем в Белой армии. С волной отступавшей Белой армии был эвакуирован в г. Шанхай. Мама, Анастасия Федоровна, родилась в Харбине, затем переехала в Шанхай, где и вышла за Георгия Сергеевича Косова замуж.

Перебирая бумаги отца, я выяснил, что он заочно закончил Сиднейский университет, получив звание инженера-строителя. В дальнейшем работал инженером